

МирОн
МаРусич

Я тоже
киллер

Мирон Алексеевич Марусич

Я тоже киллер

Серия «Черный детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43115856

Я тоже киллер:

ISBN 978-5-6042491-9-2

Аннотация

Наверное, нет такого читателя, которого не интересовал бы детективный жанр. Затаив дыхание, следить за погонями, схватками и сопереживать героям – конечно, справедливым, умным и находчивым, – что может быть увлекательнее?

А уж если детектив пишет человек, не понаслышке знакомый с темой, – это интересно вдвойне. Ведь автор из тех, чья «служба и опасна, и трудна». Главный герой книги – киллер.

Он охотится, выполняя заказы. Но одновременно идет охота и на него самого...

Содержание

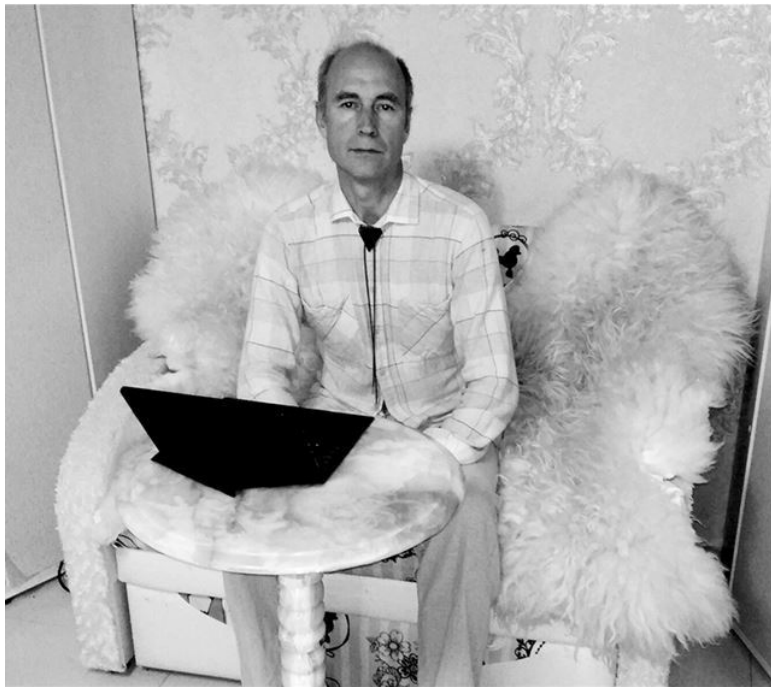
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	43
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

МирОн МаРусич

Я тоже киллер

© МирОн МаРусич, 2019

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков, 2019

МаРусич МирОн Алексеевич родился 26.04.1964 г.
в ГДР, г. Потсдам. В 1981 г. поступил в СВВКИУРВ им.

Ленинского комсомола (Серпуховское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск). Военный пенсионер.

Номинант-дипломант «Писатель года», «Наследие», «Антология русской прозы», от Проза. ру. За вклад в литературу награждён медалями им. Маяковского за 2018 г. к 125-летию и им. Пушкина за 2019 г. Срок службы: 13 лет армия, 13 лет милиция.

Глава 1

Гога не хотел умирать, да и кто захочет, но расстаться с жизнью в неполные двадцать лет всё же пришлось. С мягким, каким-то садистским чмоканьем четыре пули одна за другой нашли дорогу к его сердцу, и оно захлебнулось кровью. Испуганно расширившиеся глаза закатились, а его душа отлетела в рай, или, пожалуй, в ад, да, именно в ад.

Как всегда, в точно задуманное время, сработал внутренний будильник, и хозяин кошмара открыл глаза, так и не успев досмотреть на дело рук своих. Пассажир проснулся окончательно, стирая из памяти остатки сна, сходил в туалет, почему-то с сумкой на плече, почистил зубы и умылся. Было как-то особенно, по-тревожному тихо, мерно стучали колёса. Вагон ещё спал.

Человек вышел на незнакомой станции, ранним, солнечным утром. Мало ли на пути станций. Проводница, спросонья протирая глаза, шла по коридору в тамбур, поезд ещё тормозил, но его уже не было в вагоне.

На перроне стоял молодой мужчина в элегантных джинсах, явно дорогих кроссовках и простой хлопчатобумажной майке. Чему удивляться, май месяц.

Спортивная сумка в руке, сжатые костяшки пальцев, в которых чувствуется смертельно опасная сила, дополняли его прикид. Остаётся добавить, что сумка была слишком тяжела

для своих небольших размеров, но это уже совсем не наше дело.

Он оглядел пустую с утра площадь перед вокзалом, заметил в стороне несколько частников, карауливших пассажиров, и, бросив быстрый, цепкий взгляд одинокого волка по сторонам, пошёл в вокзальный буфет.

Незнакомый мужчина лёгкой, пружинящей походкой, подошёл к буфетной стойке, осмотрел стеклянный прилавок со стандартным набором засыхающей вокзальной снеди. Всё как везде.

– Что желаете? – спросила молоденькая и на удивление красивая продавщица.

– Минутку, я сделаю выбор.

Мужчина окинул взглядом буфетчицу, едва улыбнувшись одними губами. «А девочка ничего, не место ей здесь, впрочем, и мне не место».

– Кофе, чай, или что покрепче?

– С утра пить вредно, кофе не люблю, значит, чай. И дайте ещё что-нибудь перекусить, на Ваш вкус, но чтоб потом живот не протестовал.

– Что вы, у нас всё свежее, – быстро ответила буфетчица и смутилась.

Через минуту он ел вполне приличную курицу, не переставая осматривать вокзальный зал исподлобья. Не торопясь выпил остывший чай, подошёл к буфету и представился:

– Анатолий.

Она как-то подобралась, потом смягчилась и произнесла в ответ:

– Лена.

«Елена» в переводе с греческого означает «светлая», «сияющая». Она немного замкнута, всегда как бы в стороне от людей, погружена в свой внутренний мир, но это не мешает ей быть очень заботливой и внимательной.

Елена – жизнерадостная фантазёрка и неистовая оптимистка. Она быстра, умна и остроумна. Англичане называют Елену «леди искренность»: она и правда очень доверчива, порою до простоты. Лена очень влюбчива, но, отыскав своего единственного, не щадит себя в своей жертвенной любви. Очень ценит мир и покой.

– Елена прекрасная, – словно подтвердил он, пробуя её имя на вкус.

– Что вы, – чуть слышно, смущаясь, ответила девушка, но на её губах заиграла ласковая улыбка.

Ещё один хороший человек попал не на своё место. Милая девушка, но через несколько месяцев работа и вокзал сделают своё дело, и она станет как все. Может быть, хуже.

«Не моё дело», – подумал Анатолий, но, тем не менее, как-то излишне легко узнал её адрес и обещал зайти. Общага, значит, родителей нет или далеко. Время шло, отсчитывая минуты жизни и шепча в уши непристойности.

В шесть часов он вышел на улицу и сел в первый пока-

завшийся автобус, обычный старый, убитый временем и пассажирами «Икарус». Длинный, похожий на жёлтую, дохлую гусеницу, с противно скрипевшей резиновой «гармошкой», грязным полом и сиденьями.

Цели не было, он бежал, пытаясь скрыться от всех. В карих пронзительных глазах, которые когда-то прожигали взглядом насквозь, затаился страх. Страх загнанного зверя. Страх волка, попавшего в капкан.

Кондуктор – немолодая, невыспавшаяся и, видимо, поэтому хмурая женщина лет сорока трёх – взяла с него деньги за билет, устало отсчитала сдачу и потеряла всякий интерес.

Анатолий сел впереди салона и прикрыл глаза. На сиденьях позади него расположились парень с девушкой и пожилой мужчина, всего пятеро – машинально отметил про себя он на всякий случай, сосчитав всех, даже водителя.

Подыхающий от старости автобус медленно тащился сквозь полусонные улицы. Через пару остановок в автобус вошла шумная компания из шести изрядно подвыпивших юнцов. Парни возвращались с какой-то вечеринки, события которой со смехом обсуждали, обильно сдабривая речь матом.

«Уроды, – подумал он, – теперь одиннадцать», но ничего, что могло бы его встревожить, не почувствовал. Компания явно не хотела платить за проезд и оскорбляла кондуктора, слышался громкий хохот, и женщина истерически взвизгнула, срываясь на крик.

Анатолий сделал вид, что происходящее в салоне его ни- сколько не касается, да так и было, он не привык вмешивать- ся. Жизнь научила. Анатолий устал, отдыха требовал каж- дый нерв, каждая клеточка его загнанного тела.

Молодая компания продолжала бесноваться. Анатолий оглянулся. Парни встали в кружок, а кондуктор, словно мя- чик, металась от одного к другому, пытаясь вернуть свою сумку с билетами и деньгами.

Пассажиры испуганно вжались в сиденья, всем своим ви- дом показывая, что происходящее их совершенно не каса- ется, лишь пожилой мужчина попытался вмешаться, но его грубо заткнули, и он с укором посмотрел на Анатолия.

Нет, не так, снова, как в последнее время, всё грозило пой- ти наперекосяк. Мужчина в хлопчатобумажной майке опу- стил глаза, он устал, жизнь летела под откос, ему не хоте- лось вмешиваться, давили свои проблемы. Он не был супер- меном, давно уже не строил из себя героя и борца за соци- альную справедливость.

Анатолий казался сломленным жизнью, плечи поникли, и только волчьи глаза говорили, что он ещё очнётся. Он не был мастером восточных единоборств, как-то не успел, не был он и очкастым студентом, но профессию получил. И о смерти знал не понаслышке.

Он был киллером, и до недавнего времени неплохим. Дис- петчер знал его под кличкой Толик-волк. Двадцать семь за- казов, тридцать девять трупов, издержки производства он не

считал. Он не был злым, но мир сделал его жестоким. Этот анекдот словно про него.

Киллер получает заказ, ему называют улицу, дом, он перебивает и спрашивает сумму гонорара. – Сто тысяч баксов, – слышит в ответ. – В таком случае номер квартиры можно не называть.

Он с тоской оглянулся ещё раз, встретил затравленный взгляд кондуктора и сделал выбор. Молодой мужчина в хлопчатобумажной майке встал и пошёл в конец салона.

– А теперь, граждане, оплатим проезд, – сказал он и очерился привычной улыбкой хищника. Юнцы и кондуктор враз замолчали.

– Ко всем относится, – после секундной паузы добавил он, расстегнул сумку и достал короткоствольный автомат. По салону прошелестело лёгкое дуновение ветра смерти.

Началась борьба за социальные права, как он её понимал для себя. Юнцы засуетились, отдали кондуктору сумку и зазвенели по карманам мелочью, зашелестела выгребаемая из кошельков и портмоне бумага.

– Выгребайте всё. Стоять! – крикнул он молодой парочке, попытавшейся выскользнуть на остановке.

– А-а-а, мы...

– Граждане, деньги на бочку, быстро, если жить хотите.

Карманы вывернули все, включая кондуктора, у которой он забрал выручку, и водителя, досмотренного на предмет денег в последнюю очередь.

Двери открылись и снова закрылись, оставив Анатолия на улице со смятой горстью бумажек. Автобус поехал дальше.

«Анатолий» в переводе с греческого – «восточный». Анатолий – нервный, возбудимый человек, остро реагирует на все, как и его тотем – ягуар. Его натура представляет загадку, – никогда не знаешь, чего от него ожидать!

Внутренняя жизнь Анатолия богата и упорядочена. Если вмешивается в чужие дела, то не сомневается в успехе, – ибо воля его сильна до того, что граничит с упрямством. Не может представить себя побеждённым. Анатолий легко приспосабливается к обстоятельствам – при условии, что легко подчинит эти обстоятельства себе.

«Нет, не мой это город и мне здесь не место». Анатолий осмотрел грязные тротуары, пыльные глаза подслеповатых окон, грязь, как и везде.

Поймав такси, он коротко бросил: «Вокзал». Машина, набирая скорость, зашуршала шинами по асфальту, мелькали улицы и дома незнакомого города.

Мужчина в хлопчатобумажной майке смотрел в окно и думал о превратностях жизни. При других обстоятельствах он бы остался, но когда что-то не складывается с самого начала, лучше не искушать судьбу. Он усвоил это правило и не собирался менять своего решения. Такси остановилось.

– Полтинник, – сказал шофёр.

– Хорошо.

Анатолий расплатился, не торгуясь, и прошёл кассам. Пробежал глазами по расписанию, пожал плечами.

– На ближайший, до конечной. – Посмотрел в сторону буфета и добавил: – Два.

Молча отдал деньги, получил через узкую прорезь окошечка билеты, сдачу и направился к буфетному прилавку. Поезд через сорок минут, время есть. Он не боялся милиции, зная её медлительность. Раннее утро, открыта только дежурная часть, пока поступит заявление, пока... Поезд давно будет стучать колёсами вдали от города, вдали от мелких и скучных проблем. Он будет смотреть в окно и грустить, всё как всегда, ничего нового.

Лена, похоже, сдавала смену и собиралась идти домой, мужчина со спортивной сумкой и двумя билетами в кармане направился к ней. «Бывает ли любовь? – думал он на ходу. – А с первого взгляда, с первой фразы?»

– Леночка, извините за банальный вопрос. Что вы делаете сегодня?

Она снова мило смутилась, почему-то покраснела и опустила глаза.

– Ничего.

– Вас что-нибудь держит в этом городе?

– Нет, – ответила она на удивление быстро и стала серьёзной.

– Совершенно случайно у меня есть два билета, но не в кино.

Анатолий достал из кармана билеты и показал ей. Посмотрел в Еленины глаза, и она словно утонула в омуте, нырнув туда с головой, без всякой надежды вернуться на поверхность.

– Вы поедете со мной?

– Да, – выдохнула она и доверчиво прижалась к его руке.

«Что я делаю? Она же почти ребёнок, и я ломаю ей жизнь. Впору гроб заказывать, а не в любовь играть».

Он испугался, уже не за себя, за неё. Не сегодня, так завтра его достанут. Смерть уже шесть лет дышит ему в затылок, но в последние недели её смрадное дыхание ощущается всё более явственно. Анатолий не хотел, чтобы в момент расплаты она оказалась рядом, не хотел – и тянул её за собой.

«Только на одну ночь, завтра я её брошу», – но сердце говорило: «Нет. Ты попался, парень, где-то не так легли карты, и перед смертью тебе пошла масть». Игра без козырей, сможет ли он разыграть свои карты или до него так и не дойдёт ход, Анатолий не знал.

Он не знал, доживёт ли до завтра, а скорей всего, встретит очередной рассвет с дыркой в затылке, уставившись остекленевшими глазами в голубое небо. Анатолий хотел жить, теперь снова хотел.

Вдруг до боли в сердце, с острым щемящим чувством в груди, ему захотелось иметь детей, красавицу жену и маленький домик в деревне. Простые житейские радости.

«Старею», – подумал киллер и лишь сильнее прижал

хрупкое девичье тело к своей груди. Пусть. Что будет, то будет.

– Толик, – она замолчала.

– Ты передумала?

– Нет, что ты, просто всё так внезапно. Ты ведь меня не бросишь? Я хочу быть с тобой до самой смерти.

– Да, – ответил он и подумал: «Возможно, не так долго осталось».

Может быть, ещё не поздно всё изменить. Сказать ей, что передумал, пошутил, ошибся. Нет, уже поздно, проводница зовёт по вагонам, последний гудок, поезд трогается. Пора. И через две минуты, сидя в купе, они смотрели на проплывающие мимо дома, улицы незнакомого ему и чужого ей города.

Мужское естество кричало: «Возьми её!», а совесть тихо нашёптывала: «Погоди, дай ей шанс». Мерно тикали секунды, складываясь в минуты, нарастая в часы. Ночь накрыла медленно ползущий поезд как-то сразу, незаметно.

* * *

Она улыбалась. Как она улыбалась! Мерно стучали вагоны, отстукивая ведомую лишь им одним мелодию, за окном проплывали полустанки и километры. Толик смотрел на неё и не верил своему счастью. Он, близко повидавший много женщин, влюбился как пацан. В его любви к Елене было всё: и романтическое чувство в первый раз влюблённого юноши,

и пламя страсти пополам с нежностью зрелого мужчины.

Он любит её – она любит его. Это ли не счастье? Тонкие лучики солнца пробиваются сквозь штору окна на золотистые кудри её волос. Она улыбается солнцу, солнце улыбается ей. Как она улыбается!

Анатолий сидит и смотрит на милое лицо, оголённые плечи и розовые соски девичьих грудей. «Она моя», – поёт в груди незнакомый прежде голос, рождая новое чувство заботы и тепла, нежности и любви. Он улыбается в ответ, но через мгновение тень набегает на её лицо и его улыбку.

По его пятам идёт смерть и дышит в спину, в его спину. Анатолий знает, что каждую секунду, за каждым углом его может настигнуть пуля коллеги. Смерть не торопит, но и не опаздывает, она просто ждёт.

Глава 2

– Я всегда говорил, его нужно было убрать два месяца назад. Ищи теперь!

– Не кипятись, Олег, уберём.

– Страна большая, попробуй найди.

– А вот это как раз не твоя забота. Кому надо – найдут, он не невидимка, фото во всех городах, никуда не денется, завалим.

– Твоими бы устами...

– Ты лучше скажи, что с остальными исполнителями.

– Оба прекратили своё существование ещё в марте, концы спрятаны надёжно. А из-за вашего желания сэкономить деньги и использовать одного из них ещё раз, мы имеем головную боль и геморрой в заднице.

– Он лучший и свою работу сделал на пять, а вы, Олег, его упустили. И не надо мне указывать, мы партнёры, но старший я. Вам всё ясно, Олег Игоревич?

– Да, конечно, извините, погорячился.

Вот такой разговор имел место в офисе одного из крупнейших банков столицы. А начиналось всё три месяца назад. Впрочем, если быть до конца точным, почти четыре. И, возможно, никто и никогда не узнал бы о тех событиях, если не дневник девушки с именем Лена.

Не знаю и не хочу знать, что в нём правда, что вымысел,

а что просто девичьи мечты, но история началась и закончилась. Вам судить, хорошо или плохо, а я лишь умываю руки.

* * *

Белый пушистый снег мягко опускается на его ондатровую шапку. Снежинки искрятся в чуть морозном воздухе и едва слышно скрипят под подошвами его ботинок. Ночь, — тёмное время суток.

Ранняя весна, воздух ещё чуть морозен.

Человек торопится, но старается, чтобы его поспешность выглядела незаметно. Он привык чувствовать себя уверенно, но основы его мира пошатнулись и, кажется, вот-вот рухнут.

Пар горячего дыхания клубами вырывается из его широко раскрытого рта. И горе тем снежинкам, белым красавицам, что попадают в облачко пара. Их век недолог, они тают, не успев долететь до земли.

Город спит. Человек испуганно озирается, для него тёмный город не друг, скорее враг. Ему есть куда спешить, по его следам идёт смерть. Он знает, что поздно, всё равно не успеть, но идёт, и старуха с косой дышит в его широкую спину зелёного кашемирового пальто.

Два часа. Поздняя ночь или раннее утро? Фонари на улицах не горят, лишь в редких глазницах окон пятиэтажных коробок виден свет, но там ждут не его. Его некому ждать

и некому оплакивать. Он один в целом свете. Впрочем, его тоже ждут, но об этом позже.

Человек идёт спотыкаясь. От него отвернулись все – жена, любовница, друзья по бизнесу. Он неудачник, и он обречён. Старуха-смерть давно дышит в его затылок, и он знает об этом.

Но ему кажется – есть ещё шанс, и человек верит, что тот, от кого зависит его жизнь, выслушает его, и поэтому он топчется несмотря ни на что.

* * *

Зелёное кашемировое пальто с ондатровой шапкой продолжали одиноко мелькать сквозь снег и ночь. Он почти у цели, всё хорошо, должен успеть, удар в череп – и всё.

С расстояния в триста пятьдесят метров звук выстрела из снайперской винтовки с оптическим прицелом не слышен. Человек лежит и смотрит в небо изумлённо остекленевшими глазами, лишь снежинки продолжают таять на его замерзающем лице. В эту ночь или раннее утро ещё одним неудачником стало меньше.

* * *

Иннокентий Владимирович, а для друзей просто Кеша,

был доволен своей жизнью. Он попал в нужный вагон – крутые друзья, своё дело, неслабая бригада в районе, сытные угоды.

Последнее время ему везло, жизнь баловала подарками и призами. Казалось, судьба и удача навечно поселились в его четырёхкомнатной квартире с недавним евроремонтом.

«Мерс», бритый затылок, массивная золотая цепь и «гайка» с бриллиантом на пальце, что ещё нужно в жизни. Ах да, дача и девочки у него тоже были, по вызову. Иногда две, три, но чаще одна, строго по средам и пятницам.

Особенно ему нравилась Люся, недавнее приобретение. Он подцепил её в баре, или она его. Ноги от ушей, грудь с вызывающе торчащими сосками выше всяких похвал, попка! А как самозабвенно Люся трахалась! Вот и сейчас он собирался вставить ей по полной программе.

* * *

Кеша умер быстро, лишь недоумённо раскрылись глаза после того как коротко чмокнул пистолет с глушителем. Его глаза так и остались открытыми. Люся оделась, посмотрев на часы, собрала свои вещи, стёрла отпечатки тонких маникюренных пальчиков и ушла в ночь, даже не попрощавшись с покойным.

Вова умер нелепо. Вообще-то юрисконсульта крупнейшего банка устраивало всё. Он также до недавнего времени устраивал всех, если бы не один грешок.

Сегодня вечером ему наконец повезло, он познакомился с красивым парнем лет двадцати, тот сам подошёл к нему и предложил выпить. Вова обрадовался, вот уже третий месяц он не мог найти себе партнёра и сильно переживал. Тем не менее он удивился, так как всегда комплексовал по поводу своей неказистой внешности. Длинный и худой как швабра, он производил впечатление дистрофика, имея при росте метр девяносто три всего шестьдесят пять килограммов веса. Прыщавое, мятое лицо и редкие растрёпанные чёрные волосы дополняли его облик.

В этот злополучный для него вечер Владимир Алексеевич решился и, долго простояв перед зеркалом, поехал в бар для геев. Дальнейшее происходило как в женском романе с одним небольшим отличием: женщина как раз и не присутствовала.

Вова пребывал в состоянии эйфории, предвкушая дальнейшее развитие событий и не веря своему педерастическому счастью отхватить такого красавца. Мучили сомнения, но он, захлебнувшись в своей щенячьей радости, гнал их прочь. Доехали быстро, поднялись на четвёртый этаж, и Вова от-

крыл дверь квартиры номер тринадцать. Он любил мистические числа, и ему всегда везло, но только не в этот раз.

Совершенно к месту вспомнился анекдот:

Рассказывает «голубой» своему старому приятелю: – Представляешь, снял вчера такого красивого парня, губы, попка – просто чудо, приехали в гостиницу, двухспальный номер. Я разделся, принял душ, встал раком возле своей постели и жду.

Пять минут – ничего, десять минут – тихо. Встаю, включаю свет, а мой парень стоит раком возле своей кровати. Ну не педераст ли?!

Вова хотел сказки, любви и нежности. Он любил, когда за ним ухаживают, ему не нравились партнеры, сразу тащившие в койку. И его новый друг не подвёл.

Леонид ухаживал за Вовочкой, как дон Жуан за очередной жертвой своей сексуальной страсти. Говорил ласковые слова, шептал в ухо милую чушь, подливая в бокал шампанское.

Владимир Алексеевич умер до смешного нелепо и гадко. В то же время, когда горячая сперма его нового партнёра потекла по его кишкам, пуля, выпущенная из пистолета с глушителем, размозжила его затылок.

Миллионы маленьких, суетливых сперматозоидов, смешно вибрируя хвостиками, искали её – ту единственную яйцеклетку, которую можно оплодотворить, но где ей взяться в прямой кишке мужского остывающего трупа. Их попыт-

ки были тщетны, жизнь ушла, смерть пришла. Кровь вперемешку с серыми ошмётками мозгов брызнула на подушку.

* * *

Три пули в эту тихую зимнюю ночь оборвали три непохожие друг на друга судьбы. Три жизни, три смерти, но что-то их всё же связывало. Три пули, три прерванные жизни и один заказчик. Зачем?

А белые безмолвные мухи всё падали и падали.

* * *

Последний, серый снег умирал среди городских улиц, стекая грязными ручейками в канализацию. По захламлённым апрельским дорогам шла победным маршем весна. На робком ещё весеннем солнышке грелся зимний мусор. В чуть влажном свежем воздухе витали любовь, секс и приключения. Скоро май.

* * *

Сан Саныч сладко зевнул и потянулся, проснувшись окончательно, поморщился, как от зубной боли – после вчерашнего застолья болела голова. Шаркая ногами в смешных до-

машинных тапочках, подошёл к двухкамерному холодильнику и, открыв дверцу, критически осмотрел содержимое.

Ободрённый сытым видом сверкающего белизной гиганта он крикнул, в задумчивости поводит справа налево пухлыми пальчиками и, сделав окончательный выбор, выстрелил в потолок пробкой от весьма дорогого шампанского, надолго приложившись к холодному горлышку. В следующие тридцать-сорок секунд с кухни слышалось ритмичное бульканье.

Напившись, Александр Александрович зашипел, выпуская воздух, и довольно рыгнул. «Хорошо», – подумал он и плюхнул свои без малого сто килограммов в велюровое кресло.

Действительно, быть начальником управления хорошо, да и люди, которых некоторые чересчур радивые служаки кличут мафией, доплачивают за вредность или скорей наоборот. Сан Саныч для своих, конечно, мужик не вредный и жить хочет не хуже, а то и лучше других. На зарплату всего себе не позволишь, вот и приходится... как говорят, – крутиться.

Свой район Александру Александровичу нравился не так чтобы очень, но показатели не хуже среднестатистических, высокое начальство не придирается, да и деньги есть. Опять же с мэром в приятельских отношениях, правда, губернатор, как говорится, не наш человек, – ну что ж, бывает. Да и губернатору пока, похоже, не до них – уж больно хозяйство досталось разбитое, фабрики стоят, заводы обанкротились, а народ кушать хочет.

В общем, Сан Саныч ел икру, пил шампанское и радовался жизни, не гнушаясь и остальными её прелестями. Девочки, именно девочки, азартные игры – он любил разнообразие. Служба идёт, винтики его отлаженного милицейского механизма работают как часы, преступников ловят и даже сажают, а чересчур ретивых на этом нелёгком поприще сотрудников всегда можно одёрнуть, если что.

* * *

Сергей Олегович, жена звала его просто и ласково – Серёжа, собирался на службу. Молодой следователь в звании лейтенанта звенел, как натянутая струна, в предвкушении: вчера, именно вчера ему дали настоящее дело – убийство. Пусть не потому, что он самый опытный в двадцать с небольшим лет, но дело дали ему, и Сергей радовался оказанному доверию.

Второпях жуя бутерброд с маслом и запивая его горячим чаем, Сергей жил предвкушением. В милицию он, как ни странно, попал по призванию.

Ему, спортсмену и отличнику, золотому медалисту, после школы пророчили блестящее будущее, которое было кому устроить. Дядьки и тётки по материнской линии – отец погиб, когда ему было семь лет, – наперебой предлагали лучшие вузы и тёплые места. Сергей предал их надежды и подал заявление в школу милиции.

Честность и стойкость, накопленная в его душе годами, требовала выхода. Сергея всегда волновала и возмущала несправедливость этого мира, он ненавидел зло. Именно поэтому Сергей Олегович от всей души пламенно и нежно поцеловал жену, хлопотавшую на кухне, и легко чмокнул в щёку спящую дочь. Хлопнула дверь, и лейтенант милиции вышел в раннее, искристое утро.

Пять минут до метро, и можно вздремнуть полчаса в сонных, мерно качающихся вагонах подземки. Мелькали картинки снов, какая-то неясная пока ещё тревога мешала полностью отключиться. Время.

Сергей встал, вышел из вагона и по длинному, как жизнь, эскалатору поднялся к выходу. Ещё пятнадцать минут среди вечно спешащих куда-то москвичей – и он в родном ОВД. Дело, у него настоящее дело за номером сорок, немного неприятная цифра, но будут и другие. А сейчас Сергей спешил к своему сороковому делу. Убийство.

Первое убийство, которое он расследует, первое настоящее дело, кражи и прочее не в счёт. Нет, конечно, он не против и других расследований, он готов искоренять зло во всех его проявлениях, но по значимости... Убийство, чья-то оборванная жизнь, – для него это гораздо важнее и украденных из сумочки ста рублей, и даже взлома квартиры, который начальство приказало взять на особый контроль.

Сергей Олегович, а для жены и коллег просто Серёжа, иногда Серж, открыл папку и прочитал первые сухие стро-

ки печатного текста. В детстве много читавший, он любил сосредоточиться, а потом представить себя одним из героев детектива – Холмсом, Пуаро или кем-то ещё, погружаясь в известный ему одному мир жанра. Идея приходила почти сразу – он был сыщиком, как говорят, от бога.

Все дела давались ему легко, в сухих строчках протоколов, в кипе подколотых листов он успевал увидеть и понять самую суть, что-то подчас неуловимое и оттого самое важное. Дальше, как всегда, кропотливая работа, сбор и сопоставление фактов, но главное Сергей уже знал, звериным чутьём зная, где и что искать.

Вот и сейчас он сразу заметил неясный, ускользающий пока мотив заказного убийства. Читая досье на покойного, перебирая факты его жизни, Сергей понял, что это не бытовуха, как думало или хотело представить начальство, иначе материал никогда бы не попал к нему, молодому ещё работнику.

Радостно и тревожно ёкнуло сердце. Продолжая сопоставлять детали, Сергей набрал номер и позвонил в банк, одному из многочисленных дядек.

– Доброе утро. Волков. Соедините, пожалуйста, с Юлием Игоревичем. Да, он в курсе.

«Юлий» – «юольский» (с латыни). Юлий пунктуален, трудолюбив и обаятелен; у него хорошая память, буйное воображение, отлично подвешенный язык – и всевластное стремление к лидерству любой

ценой.

Он не терпит насилия над своей личностью, не желает никому подчиняться. Любую преграду на пути норовит сместить... Но слишком умен и хитёр для этого: предпочитает повернуть обстоятельства себе на пользу.

На телефоне не было установлено прослушивающее устройство, поэтому их разговор останется для нас тайной.

Сергей, заметно повеселевший в начале разговора, нахмурился, ответил «да» и повесил трубку. Застыв на секунду, он потёр лоб, схватил карандаш и, черкнув два слова на первом листе сорокового дела, в спешке побросал бумаги в сейф. Выскочив на улицу, он побежал к метро.

Нашли его только на следующее утро, случайно, в реке.

* * *

Сослуживцы скинулись, кто сколько мог, похоронили через три дня, как положено, выпили за упокой. Жену никто не утешал, видели в первый раз, да и Сергея-то почти не знали. Одно слово – новичок.

– Иваныч, принимай дела, твой подчинённый, – сказали на очередной планёрке, и старый, умудрённый опытом капитан, чертыхаясь и ежесекундно матерясь, полез в сейф.

Лениво перебрасывая папки, он наткнулся на дело номер сорок, внимание привлекла надпись, сделанная явно наспех

карандашом. Киллер и название банка в кавычках.

Иван Иванович Устюгин считался среди своих хорошим следаком, но начальство его почему-то не жаловало. Предпенсионный возраст, капитан, многие сверстники уже в подполковниках ходят. Судьба ли виновата или облизывать начальство не умеет, кто знает.

Иваныч задумался. Дело Сергей получил вечером, почему-то как бытовое убийство, и сразу запер в сейф, так как должен был до часу ночи дежурить в засаде. Утром его видели всего десять минут, потом пропал.

Вопрос: когда он успел сделать надпись и связано ли это с его убийством? Иван Иванович мог поручиться своей головой – ответ «да». Нужны доказательства и подход.

Дело дрянь. Иваныч подумал, а надо ли ему рыть себе могилу, и решил, что надо, хотя бы ради таких, как Сергей. За всех тех, кто не щадя своей жизни честно защищает Родину.

Можно долго спорить о том, любит ли Родина своих сыновей, скорей всего да, но это просто эфемерное слово, звук, хотя и с глубоким душевным смыслом.

А вот государство явно никого, кроме себя и близко кормящихся чиновников, не любит. Впрочем, как знать, возможно, и любит, но какой-то своей извращённой любовью, как овец, с которых можно стричь шерсть. Иногда оно даже заботится о своих чадах, бросая им подачку к зарплате или пенсии и тут же повышая цены.

Жизнь ползёт своим чередом, и Иваныч знает, что судь-

бу на кривой кобыле не объехать. Решение принято, пора в банк.

Глава 3

Сегодня Гвоздь был доволен: ещё бы, его заметили и дали самостоятельное задание. Он со смятой цветной фотографией, Жиро и Таз прочёсывали поезд, бесцеремонно распахи-
вая купе и цыкая на возмущавшихся иногда пассажиров.

*«Гвоздь» в переводе с фени означает острый
металлический предмет, куда-либо забиваемый.
Кличка «Гвоздь» подразумевает, что её хозяин
обладает всеми полезными качествами данного
предмета. У Гвоздя негибкая воля, и его лучше не
трогать – можно пораниться. Одним словом, Гвоздь –
он и в Африке Гвоздь.*

Утро, резко распахиывается дверь, в открывшемся проёме
– две пары розовых девичьих сосков.

– Ира! Ты не закрыла дверь!

– Здравствуйте, девочки!

– Мальчики, как Вам не стыдно, выйдите.

– Гы-ы-ы, стыдно, когда видно!

Дверь купе захлопнулась, впустив Гвоздя, Жиро и Таз.
Раздался металлический скрежет закрываемой щеколды.

– Здравствуйте, девочки! – скорчив зверскую, глумливую
рожу, повторил Таз.

– Выйдите вон! – донеслось в ответ.

– Гвоздь, а давай их трахнем, смотри, какие гладенькие.

– Точно, Гвоздь, давай быстренько, никто и не узнает.

Гвоздь окинул покрасневших девчонок, замерших в испуге, оценивающим взглядом девятнадцатилетнего, бывалого пацана, и подумал: хороши чертовки.

– Нет, – рассудительно ответил он, – некогда, да и на зоне, если поймают, за такую статью опетушить могут.

– Ну чё ты, Гвоздь, давай.

– Нет, пошли, ещё пять вагонов.

Зона, три года на малолетке, потом взросляк, полгода как откинулся, Гвоздь чувствовал себя уверенно. Ему повезло, он выжил на малолетке и не стал калеккой, попав во взрослую зону, не был опущен по неопытности, ходил под авторитетом. Ещё и сейчас по ночам, вспоминая малолетку, он вздрагивал и покрывался холодным потом.

Три года его били, жестоко унижали, он бил в ответ, показывая характер, издеваться перестали, но драки не прекратились. Пять раз в карцере, два – в тюремной больничке.

На взрослой зоне ему повезло, попался земляк, авторитетный вор, который взялся его опекать. Учил жить по понятиям, сетовал на нынешнюю молодёжь, беспредел, отход от старых воровских законов.

Гвоздь отмотал свой срок от звонка до звонка без поблажек. Неплохой в прошлом мальчишка отпраздновал своё четырнадцатилетие и, провожая девчонку, столкнулся с компанией таких же подвыпивших подростков.

Слово за слово, в ответ на хамство выиграла кровь, как до-

стал нож-бабочку – не помнит, потом суд, строгий прокурор и срок. Вот так легко жизнь ломает судьбу, а судьба – жизнь.

Другое дело Жиро и Таз, на зоне не были, так, из молодых, дурная поросль. Пробовали воровать, занимались гоп-стопом, но только пару раз, на третий им не повезло, избил прохожий, которого они собирались ограбить. Мотались туда-сюда, пока не прибились к бригаде, где работал Гвоздь.

«Жиро» – кличка, пожалуй, презрительная, не приносящая её владельцу радости и верно отражающая его габариты и наклонности.

«Таз», должно быть, медный, тоже не фонтан, но куда приличнее, чем «Жиро», если не считать того, что все дела, затеваемые владельцем этого прозвища, им же и накрывались. Обидно, да?!

Обход вагонов продолжался, неумолимо сближая Анатолия с его преследователями.

* * *

Лена, Елена Прекрасная, Леночка, он пробовал её имя на вкус, старался ощутить его радостный цвет и слушал голос просыпающейся совести. Имел ли он право так поступить, шагая по краю пропасти, втягивать в смертельный круг милую девчушку?

Девушка, по-прежнему улыбаясь, открыла глаза, увидела смотрящего на неё Анатолия и потянулась к его губам. Пря-

но-сладкий поцелуй не принёс Анатолию радости, пока ещё маленький, но уже чёрный котёнок пробовал свои острые коготки на его сердце. Изболевшаяся душа ныла от предчувствия.

Окончательно приняв решение, Анатолий побросал вещи в сумку, схватил Елену за руку и выглянул из купе. Никого, но котёнок явно подрос и отрастил когти. Тревожно ныло сердце, предвещая беду.

Мерно стучащие вагоны успокаивали, – всё хорошо, так-так, – говорили они на стыках рельсов. За прошедшие несколько секунд котёнок нашёл себе товарища, милую кошечку с такими же острыми когтями, и продолжил своё чёрное дело. Не дожидаясь появления котят, Анатолий потащил Лену в тамбур.

– Стой, Толик! Куда?! Зачем, что случилось?!

– Молчи, бежим! Чует моё сердце, кругом злые люди. Прости, если что не так.

Анатолий вытащил её в тесный, дребезжащий старым железом тамбур и оглянулся. По проходу купейного вагона шли трое, заглядывая в каждую дверь.

– Гвоздь, долго ещё, можа, пойдём в ресторан, водочки попьем?

– Утухни, Таз, два вагона осталось.

– О, пусто.

– Кто-то здесь был.

– Плевать, наверное, в ресторане шампанское жрут.

– Дурак, ещё рано, он не работает.

– Да ладно, поссать пошли, а ты хай поднял.

– Вперёд! У меня память на лица, вон тот козёл, в тамбуре.

Анатолий себя козлом никогда не считал, но он и не слышал этой фразы, иначе Таз тут же ответил бы за козла. Впрочем, он ещё ответит.

– Прыгай! Коснёшься земли, катись!

– Толик, ты что?! Я боюсь, высоко, деревья как бешеные несутся! Нет!

– Прыгай!

Анатолий дёрнул рычаг стоп-крана и распахнул дверь тамбура, примерился и под мерный стук вагонов швырнул Елену по ходу поезда в пролетающее мимо пространство. Времени достать из сумки ствол уже не было, придётся так, если киллер, тогда конец, прыгать поздно. Дверь тамбура открылась.

«Достали?!» – мелькнула запоздалая мысль, и в тамбур ввалились три бандитские рожи.

– ..., он, вали его, братва!

Произнёсший фразу ловко выхватил откуда-то финку и нанёс удар снизу, другие двое замешкались и, толкаясь, попытались обойти Анатолия сзади.

Сверкнуло лезвие, в тесноте тамбура Анатолий с трудом увернулся, отводя руку с ножом в сторону, но нападавший оказался профи своего дела, и по руке, животу заструились тоненькие полоски крови.

Анатолий скосил глаз на открытую дверь, через которую выпрыгнула Елена, калейдоскопом мелькали деревья. Поезд со скрежетом тормозил. Удар, блок, ответный удар в челюсть и ногой вдогонку, с криком «А-а-а!» парень со смешным прозвищем Жиро вылетел за дверь. Тем не менее баланс сил остался не в пользу Анатолия.

Гвоздь злобно оскалился, его коронный удар, отрабатываемый долгими ночами на зоне, не достиг цели, противник только слегка ранен. Таз, проследив за полётом вопящего Жиро, испуганно прижался к стенке.

«Чмо, – мелькнула мысль в голове Гвоздя, – придётся одному». Молниеносным движением он перебросил нож из руки в руку и отлетел к стене. Тут же вскочил, вытер кровь с губы и снова заиграл ножичком. Анатолий сознательно не добил Гвоздя, опасаясь нападения сзади, и во время искусственно созданной паузы припечатал к стене Таза. Жалобно хрустнула кость ломаемой челюсти, и Таз, ударившись головой об стену, обмяк. Короче, накрылся.

Один на один. Гвоздь усмехнулся, и, глядя прямо в глаза Анатолию, сделал выпад. В узком вагонном тамбуре схлестнулись горячая молодость и холодный опыт. Ставка – жизнь, одна на двоих.

Сверкнула сталь и больно ужалила, Анатолий зажал бок и, увидев мелькнувшее удовлетворение и некоторую успокоенность в глазах противника, ударил в ответ. Бандит сложился пополам, не давая ему опомниться, Анатолий бил и бил, не в

силах остановиться. Сзади навалился Таз, пытаюсь душить. Анатолий присел и перебросил его через себя в открытую дверь и, больше не отвлекаясь, продолжал бить.

Кулаки густо окрасились кровью. Поезд уже стоял. Не оглядываясь, Анатолий подхватил сумку и выпрыгнул в дверь, перекатился и побежал назад, надеясь, что с Леной всё в порядке.

«Она жива, – твердил он по дороге. – С ней не может ничего случиться». Он бежал вдоль вагонов, а поезд снова набирал ход, гулко стучала в висках кровь. Вот и Таз, стонет, значит, жив. Показался Жиро, голова разбита в кровь, из глаза торчит сучок, мёртв.

Жизнь продолжается, может быть, если Лена жива. Анатолий бежал, не смея надеяться и надеясь, бешено бухало сердце, его тяжёлые удары отдавались болью в душе.

Она! Среди кустов показалась милая сердцу фигурка, вздрагивающие от рыданий плечи. Жива! Что с ней? В три прыжка Анатолий достиг хрупкой фигурки и обнял за плечи, целуя мокрые от слёз щёки, уши, шею.

– Ты!

И маленькие кулачки заколотили в его грудь.

– Дурак! Зачем ты это сделал?!

Слёзы, поцелуи, Анатолий объяснял, Лена то смеялась, то плакала.

– А я ногу подвернула и исцарапалась вся, больно. Ой, ты весь в крови! Анатолий, милый, дай я тебя перевяжу, какая

же я дура!

— Ерунда, всё заживёт как на собаке.

Пока Елена со слезами на глазах, поминутно всхлипывая, рвала ночную рубашку и перевязывала его, Анатолий думал.

Травля началась, братки уже в курсе, видимо, у его бывшего нанимателя длинные руки, очевидно, скоро придёт черёд и милиции. Обложат со всех сторон, а тут ещё девчонка. Анатолий в который раз проклинал себя за беспечность, за то, что поддался чувствам. Снова и снова он вспоминал тот телефонный звонок посреди ночи, его телефон успел определить знакомый номер, но разговор не состоялся.

Постепенно в серых клеточках его мозга выстраивалась логическая цепочка. Кое-что он знал из газет, уже точно знал нанимателя и ещё одного исполнителя, который, правильнее сказать которая, был мёртв. Значит, вероятнее всего, ушёл к праотцам и второй, остался он один.

Смерть близко, он, привыкший за годы работы убивать, в первый раз почувствовал себя жертвой. Кольцо сжималось.

Тот звонок от бывшей подруги, как причудливо порой переплетаются судьбы! Он догадывался, что она ещё и коллега, теперь знал наверняка. Рядом шумел листьями лес, шуршала трава и пели невидимые птицы.

Лена перестала плакать и смотрела на Анатолия влюблёнными, синими как небо глазами. Она любима, любимый рядом, что ещё в жизни для счастья надо.

Анатолий по-детски виновато посмотрел на неё, поцело-

вал и рассказал ей всё. Абсолютно всё: и про работу, и о женщинах, что были когда-то с ним. Он не скрыл ничего. Во время исповеди Лена морщила лоб, иногда пыталась плакать, но в её глазах постоянно светилась любовь. Она понимала и прощала Анатолия во имя любви, преданная ему беззаветно, она думала, что всё в прошлом, они уедут далеко, создадут семью, у них будут дети, двое, мальчик и девочка. Лена верила, что нашла своё счастье, искренне верила, несмотря ни на что.

Она шептала, глядя Анатолия по волосам, и роняла алмазные капли слёз. Цвели цветы, распространяя вокруг пряные запахи, лучи солнца ласково гладили кожу, а над деревьями уже кружили вороны, и испуганно стрекотала сорока. Анатолий поднялся, подхватил сумку и, обняв Елену за плечи, повёл по узкой, извилистой, как сама жизнь, тропинке в лес.

* * *

Тропка петляла между деревьями, весело щебетали птицы, и неприятности отступили куда-то далеко в прошлое, не напоминая о себе ни блеском стали, ни бесконечными передрягами. Анатолий решил выйти к дороге и попробовать выехать из района на попутках. Он понимал, что кто-нибудь из бандитов уже сообщил координаты и кольцо вот-вот начнёт сжиматься.

В это время где-то далеко, в месте, недоступном нашему

пониманию, медленно, со страшным скрипом поворачивалось колесо кармы, неся кому смерть, кому вечные муки, а кому и прощение.

* * *

В этой жизни нет ничего постоянного. Чем выше взлетаешь, тем ниже придётся падать. Ни для кого не секрет, что на ночь машины, как правило, ставят на стоянку. За это время, возможно, ранним утром паук успевает сплести ловчую сеть на антенне.

Весьма вероятно что, ему везёт и он успевает что-то поймать и даже съесть, но приходит хозяин, вставляет ключ в замок зажигания, и паук вместе с паутиной слетает с облюбованного места. Где найдёт он приют? Куда забросит его жизнь, что предложит судьба?

* * *

Сан Саныч ехал на работу, всё как положено – личный водитель, мигалки на крыше, машина с номером ноль-ноль-один, сверкающий «форд».

Ставший за пять лет родным, кабинет радовал отделкой. Три комнаты, в первой секретарь – длинноногая, грудастая фея, во второй – его рабочий стол, компьютер, телевизор,

кондиционер и прочее, а в третьей, прямо за кабинетом, – кожаный диван, музыкальный центр и видеодвойка.

В небольшом чуланчике третьей комнаты два на два метра расположена душевая. Кабинет располагает для работы и отдыха, пусть один из районных отделов, зато Москва, деньги, власть.

Александр Александрович любил девочек, именно девочек, без всяких скидок на возраст. Любил, потому что жарким майским днём он до кабинета так и не доехал. Видно, не судьба, что-то сломалось в отлаженном механизме, жизнь дала трещину, и его «форд», потеряв управление, врезался в самосвал. В проверке на прочность победил отечественный производитель.

Итог печален: новый легковой автомобиль американского производства – на свалку, Сан Саныч – в морг. Такова жизнь, доктор сказал в морг – значит, в морг. Банально, но от смерти никто не застрахован, банкиров тоже стреляют, но об этом позже.

* * *

Анатолий с Еленой вышли к дороге, вечерело, солнце краслось между деревьями к закату, от леса повеяло прохладой. Анатолий осмотрелся: дорога просёлочная, машин не видно, придётся ждать. Рана на животе почти не беспокоит, ерунда, нож не достал до мышц, зато рука разболелась не на шутку,

возможно, попала грязь и началось воспаление.

Руку дёргало, лоб покрылся испариной – верный признак повышения температуры. Вечер надвигался неумолимо, как танк, солнце своим краем показывало из-за горизонта фигу, – одним словом, ночь готовилась вступить в свои законные права. Анатолий прислушался: где-то вдалеке, медленно приближаясь, тарахтел мотор.

Стемнело, звук вырос и усилился, опустившуюся на землю тьму прорезал свет фар. Через несколько секунд Анатолий увидел показавшуюся из-за поворота, виляющую по всей дороге тушу «Кировца». «Нет ничего лучше пьяного колхозника», – подумал он и потерял сознание.

Глава 4

Анатолий проваливался в яму, наполненную горячей жидкостью, пытался кричать, но не мог, рот сразу же наполнялся грязью, и он терял сознание. Рука распухла и горела, он стонал, приходя в сознание. Елена сидела рядом, меняя мокрое полотенце на лбу, которое через несколько минут всё равно высыхало.

Жар не спадал второй день, местный фельдшер колол Анатолию конечный продукт переработки плесени, именуемый пенициллином, и надеялся на благополучный исход. Семён, тракторист и хозяин избы, сильно переживал за своего постояльца и поэтому чаще прежнего прикладывался к горлышку бутылки, практически не просыхая, за что уже дважды бил бит женой.

Свежий воздух, молоко ли или слабые потуги фельдшера сыграли свою роль, но больному стало лучше. Температура упала до тридцати семи и двух десятых, показывая, что воспалительный процесс ещё есть, однако уже не страшен. Мало-помалу рука приобретала нормальный вид, и пациент мог часами разглядывать дом, сначала изнутри, потом и снаружи, сидя на завалинке.

Дом как дом, обычный деревенский, разваленный колхоз, трезвые временами селяне, – всё как везде. Впрочем, колхозное стадо молочного направления, состоящее из трёхсот

голов, по мере своих сил и возможностей, несмотря на противодействие доярок и скотников, пыталось приносить прибыль.

Коровы мычали и телились, прося добавки к своему скудному рациону, но исправно давали молоко в показателях, весьма далёких от рекордных. На этом-то молоке в разных его ипостасях и поправлялся Анатолий.

Лишь только первые лучи солнца яркой вспышкой коснутся его лица, он выпивает крынку парного утренней дойки молока, потом творожок, простокваша, молоко, домашний сыр, опять и снова молоко вечерней дойки.

Анатолию повезло: в обычной глухой деревне, где участковый появлялся раз в полгода по обещанию, его пока не искали. Он поправлялся, ходил с хозяином на рыбалку Семён оказался неплохим человеком, хорошим работником и посредственным пьяницей.

Анатолий с Еленой помогали по хозяйству и по молчаливому обоюдному согласию не торопились двигаться дальше.

Варвара, жена Семёна, часто жаловалась Елене на мужа-пьяницу, а Анатолий, сидя на крылечке тёплыми летними вечерами, выслушивал пьяные бредни Семёна. Деревенская жизнь текла легко и непринуждённо, по накатанной ещё в советское время колее.

– Вот скажи, городской, девки в городе есть?

– Есть, – как всегда отвечал Анатолий, и разговор продолжался:

– А ведь, поди, все в коротких юбках бегают, ляжками сверкают. Нет, против наших им нет ништо. Наши-то деревенские доярки, что коровы грудастые, все как на подбор. А в городе... – тут Семён плевал и непотребно ругался.

– Да что ты, Сеня, – задушевно говорил Анатолий, – брехня. В городе девки всякие – и тощие, и стройные, и грудастых немало, а уж коров тоже хватает.

– Ты вот что, коров не трожь, они молоко дают, – глубоко-мысленно изрекал Семён. – Они как дети, их обижать нельзя. Жизнь иха сейчас хуже собачьей, кормов нет ни хрена, разве что летом травку покушают, и так... – со слезами в голосе говорил Семён и обречённо махал рукой.

Вот такие разговоры разговаривали Семён с Анатолием, когда последний находил свободную минутку в своём семейном счастье.

Жизнь, как небольшая речка, текла не спеша и радовала глаз, пока однажды вечером Семёна не привезли с работы в синяках и ссадинах, с переломом руки. «Это уже не жена», – подумал Анатолий и оказался прав.

* * *

Нынешним утром Семён, как всегда, опохмелившись стаканом самогона после вчерашних четырёх, завёл трактор и поехал на работу, грести навоз. В обед заезжал домой и, пообедав с неизменным стаканом самогона, потарахтел разгре-

бать натуральные удобрения.

Казалось, ничто не предвещало беды. Где-то далеко, в столице нашей Родины городе-герое Москве, доблестный работник милиции так же разгребал навоз по делу об убийстве, которое при пристальном рассмотрении оказалось заказным и имело не запашок, а смердящий густой запах.

Но оставим на время Москву, она далеко, хотя, видно, не очень. Семён, как всегда, никого не трогал и разгребал навоз, трогали, как оказалось, москвичи, причём не все проживающие в настоящее время в столице, нет, только те, что приехали в колхоз на двух джипах.

Бритоголовые парни, до того исправно покупавшие в колхозе оптом за небольшие наличные молоко и возившие его в столицу, потребовали какие-то долги. Конечно, последнее время они помогали председателю запчастями, но, как он считал, безвозмездно и явно не на сумму, предъявленную к оплате.

Москвичи во главе с заправлявшим всем кагалом Виталиком приехали, предварительно подготовившись. Кроме джипов с ними, натужно кряхтя, прикатил небольшой старенький рефрижератор. В уплату за долги они без базара потребовали забить десятка три коров.

Председатель долго и нудно пытался объяснить, что коровы молочные и забою не подлежат, но неумолимый Виталий не внял и заехал главе колхозного хозяйства в репу. Председатель упал в колхозную пыль (возможно, это был навоз)

как подрубленная браконьером ёлка, из носа потекла кровь вперемешку с соплями.

Разом заорали доярки, подбежало несколько мужиков, ещё твёрдо стоящих на ногах в послеобеденное время, и Семён в их числе.

Завязалась драка, так, не драка, просто грубое и методичное избиение оказавшихся неподалёку колхозников. Далее последовал такой же методичный забой жалобно мычавших коров. Сделав своё чёрное дело, москвичи уехали, пообещав вернуться за остальным мясом через пару дней.

Семён охал и стонал, когда баба Маня фиксировала его перелом и мазала многочисленные царапины и ушибы густой пахучей мазью. Она была потомственной знахаркой и знала толк в травах, и ей Семён доверял больше чем фельдшеру. Выхлебав стакан самогона разбитыми губами и периодически цыкая выбитым зубом, Семён поведал про беспредел москвичей. Анатолий покивал, утёр скатившуюся с семёновского глаза слезу, помрачнел и пошёл за сарай откапывать сумку со своим барахлом.

* * *

В то же время небезызвестный московский банк нанял киллера и готов был пустить его по следу Анатолия.

«Роман» – «римлянин» (лат.). Роман не выносит никакого однообразия, увлёкшись чем-нибудь, он

загорается – и способен зажечь других. Он не упрямец и не диктатор, лёгок на подъём, щедр и добр с людьми.

Роман вышел из номера. После вчерашнего болела голова, он не любил водку, предпочитая вина и более демократичное пиво. Оказывается, колокола в голове могут гудеть и после пивка, которое пьётся для рывка, потом водочка для заводочки... Стоп, Роман помнил, что водку не пил, да и не мог пить. Вывод: голова может болеть и с пива, всё зависит от количества. Как говорится, от полноты налитого стакана, или ведра, что более уместно в данном случае.

В скверике возле гостиницы его уже ждали трое, нет, пятеро. Раннее утро, асфальт ещё не пышет жаром, хочется жить. Роман отхлебнул из жестянки «Колы» и оценил обстановку. Вчерашние, одного он узнал сразу, на быков не похожи, скорей всего братки, из тех, что считают себя выше всех.

Вчера, защищая честь дамы, – хотя какая у проститутки честь, – он с кем-то повздорил, и теперь предстояло собирать плоды. Прошлым вечером, когда в голове бродили пузырьки газа и весело лопались, разнося алкоголь по организму, всё казалось таким забавным и правильным.

Незаслуженно обиженная шлюха (Роман не любил, когда глумились над людьми) и шампанское с пивом, потом снова шампанское в его номере и даже любовь, короткая такая...

Он не сожалел о случившемся, хотя именно сегодня ему меньше всего были нужны неприятности. Кажется, Роман вышел на след своей жертвы, очередной жертвы. Не беда, что

объект в прошлом сам был охотником, такие обстоятельства не смущали профессионала. Деньги платят, и немалые, беглец засветился именно в этом районе, вероятно, ранен, и далеко уйти не мог. Однако заминка явно не ко времени.

Романа потихоньку оттесняли от дороги, бежать некуда, оружия при себе нет, вопреки бытующему представлению киллеры не ходят с ним постоянно. Классическая «коробочка» – двое заходят спереди, двое сзади, пятый держится в стороне. Пожалуй, убивать не собираются, хотят проучить. Роман вылил остатки «Кока-колы» на землю (травку жаль и цветочки), смял банку посередине и, быстрыми движениями согнув её несколько раз, сломал пополам, превращая её в орудие убийства.

– Ну что, козёл, вспомнил меня?!

– Да, ты тот урод, что не умеет себя вести в общественных местах.

А урод наиболее опасен, хотя и прячется за спинами своих бойцов, у него наверняка есть ствол, такие как он даже спят, пряча оружие под подушку. Ничего, главное не упустить его из виду во время драки и не пропустить момент, когда он от страха попытается стрелять.

– Братва, он обурел в натуре, пургу гонит, проведите разъяснительную работу, Колян слов на ветер не бросает. Я те говорил, козёл, что ноги переломаю, получай!

– А за козла ответишь, – выдавил Роман сквозь зубы и сделал шаг вперёд, несколько раз мелькнули острые края банки.

Ближайший из бритоголовых качков оседал на землю, зажимая исполосованное горло руками.

— Бля-я, удавлю гада, — заорал его напарник и замахал ногами, порхая как бабочка.

Роман увернулся, отступая и оставляя сбоку братков, ранее находившихся сзади. «Сегодня не ваш день», — решил он и полоснул по руке одного из нападавших. Роман не боялся смерти, он ходил с ней рука об руку и верил в судьбу. Кроме умения более чем отлично стрелять он мог убить и голыми руками, но использовать подручные средства было предпочтительнее.

Сегодня банка из-под «Колы», завтра пивная крышка или монеты, да мало ли ещё что подвернётся под руку. Кстати о деньгах, Роман вспомнил про завалящуюся против обыкновения железную мелочь в кармане брюк.

Зажав половинки банки, с каплями крови по краям, в правой руке, он левой выудил из кармана пять рублей и двумя пальцами метнул их в глаз одного из парней, сразу же под его громкий крик сделал резкий бросок вперёд и припечатал братка ногой к дереву.

Противников осталось только трое, но обиженный вчера Колян явно нервничал и мог достать ствол в любую минуту, поэтому Роман ускорил темп. Не зря его звали Ветер, через несколько секунд ещё двое неудачно вышедших на прогулку братков расстались с жизнями. Один упал, держась за горло окровавленными пальцами, второму Роман сломал нос, уда-

ром снизу вбивая кости перегородки в мозг.

Остался только Колян, не бросающий слов на ветер и выдёргивающий из-за пазухи волюну. Через секунду, не более, ствол показался на свет во всей красе, но впечатления на Романа не произвёл. Обычный, потёртый временем и руками ПМ, стоял на предохранителе и пока не мог представлять смертельной опасности.

Колян затрясся и негнушимися пальцами, глядя на Романа остекленевшими от страха глазами, пытался снять пистолет с предохранителя. Успел, улыбка радости и облегчения тронула его губы, но Роман оказался проворнее и в момент выстрела пистолет смотрел своим дулом в глаза Коляну. Мгновенье – много или мало, но именно через этот срок черепную коробку развалило выстрелом в упор, и серые клеточки разума полетели в разные стороны.

Теперь, когда всё было позади и адреналин покидал кровь, заработал мозг, и Роман трезво оценил ситуацию. То, что он сейчас сделал, делать не следовало. Он мог засветиться, причём совершенно напрасно.

Парни явно не из крутых, не блатные, так, шпана. Проблема решена, но трупы всё равно есть, работа грязная, могли быть свидетели. Не теряя времени, он быстро нашёл половинки банок, стёр носовым платком отпечатки и кровь, бросил их в урну.

Через секунду Роман по прозвищу Ветер покидал него-степриимный сквер быстрым, но спокойным размеренным

шагом.

* * *

Иван Иванович Устюгин, настоящий, въедливый следователь, заканчивал очередной рабочий день, подшивал листы к разбухавшему понемногу делу и перемалывал в себе недавний разговор с начальством.

Его, в смысле начальство, Устюгин недолюбливал и получал в ответ сторицей. А нелюбимые руководители хотели ни много ни мало – спустить дело на тормозах. Злополучное дело за номером сорок.

В кабинете воняло, слабенький вентилятор, стоящий на столе у Иваныча, был ни при чём, потому что вонял весь собранный материал, все листы сорокового дела с висевшими на нём трупами. Ощутимо пахло смертью, сладкий приторный запах трупа лез в ноздри и навевал нехорошие мысли.

«Иван или Ваня, Иоанн» – «милость Божия» (др. – еврейский). В характере Ивана сочетаются сила и слабость, добро и коварство, душевная открытость и хитроватость, нежность и ярость.

Он настойчив и, если что-то задумает, часто идёт напролом; однако, почти достигнув цели, вдруг равнодушно свернёт в сторону. Иван открыт, отзывчив, всегда готов прийти на помощь.

Устюгин, за прямолинейность прозванный сослуживцами

Утюгом, пытался отвлечься от тошнотворного запаха и прожевать полученную на днях информацию.

Несмотря на противодействие начальства, Утюг по косвенным данным, собранным по крохам, вычислил двух из трёх киллеров, замешанных в этом деле. Знал он и нанимателей, догадывался, кто третий исполнитель, и чувствовал, что именно на него идёт охота.

С помощью вездесущих и незаменимых стукачей, приносивших ему по крохе информации, Утюг в капитанских погонах лепил общую картину. Дело клеилось, но тут же разваливалось. Вопросы вставали перед Иванычем, как солдаты на параде, во весь рост.

Зачем убирать троих непохожих людей, а следом и профессионалов-киллеров? Какие же деньги должны стоять за всем этим? Зачем процветающему банку с его генеральным директором, имеющим львиную долю в уставном капитале, идти на серию заказных убийств? Каким образом здесь замешано его начальство, хотя с ним-то как раз всё ясно – деньги...

И, наконец, главный вопрос, уже вторую неделю мучивший Утюга и не дававший ему спать по ночам, – зачем дяде убирать собственного племянника?!

Капитан не любил стукачей, их слащавые лица, но вынужден был пользоваться собираемой ими информацией. В его ремесле иначе нельзя. Процедура выдавливания информации проста. Покупается бутылка водки, чаще левой, вызы-

вается на встречу объект и путём наливаний-выпиваний вы-
давливается информация, капля за каплей.

Чем больше объект пьёт, тем больше поёт. Особенно старался один, Серёжа по кличке «Чистый». После второго стакана он пел как соловей. Чистый работал в бане, не той, что для народа, нет, в очень и очень престижной, поэтому имел доступ к таким секретам пьяных клиентов, что другой на его месте, покрепче характером, давно бы разбогател или получил пулю. Да что там Чистый, мало ли стукачей и прочих клопов в мире.

Иван Иванович любил думать и умел. Он строил логические цепочки, пользуясь крохами информации, слухами и профессионально развитой интуицией. Дедукция, она и в Африке дедукция. Правда, Ватсон?

Утюг посидел, пуская клубы сизого дыма, ещё немного, поплевал на ладони и, сложив папку, запер её в сейф. Выключил свет, бросив последний, как бы прощальный взгляд на надпись сразу под выключателем: «Уходя, гасите всех», – и громко хлопнул дверью.

Глава 5

Утюгу не нравилось сегодняшнее утро, сильно не нравилось. По всем приметам должно было что-то случиться, какая-нибудь дежурная гадость. Во-первых, сегодня он не проспал, как обычно, и поэтому собирался не спеша. Во-вторых, на его выдавших виды ботинках порвался шнурок. И, наконец, в-третьих, самое главное, – ему приснился плохой сон.

Устюгин, выйдя из квартиры на лестничную клетку, прислушался, постоял, затаив дыхание, и переложил снятый с предохранителя ПМ в карман знававшего и лучшие времена пиджака.

В полутёмном с утра подъезде стояла могильная тишина, ни тени, ни звука, лишь двусмысленные и не очень надписи на грязно-синих стенах оживляли пейзаж.

«Вован – чмо», «Светка – ...» и более цензурное, где она сравнивалась с собакой женского пола. Далее следовали в хаотическом порядке надписи про ментов и прочих жильцов дома, разбавленные рисунками эротического содержания явно не профессиональных художников.

Утюг, смешно семеня ногами по ступенькам, проскочил три пролёта и появился во дворе дома. Тишина. «Странно», – подумал он, сворачивая в подворотню. В этот момент странности кончились и начались суровые милицейские будни со свистом пуль и валянием в грязи.

Утюг инстинктивно пригнулся, спасла врождённая реакция и чувство опасности, преследовавшее его с утра. Осколок кирпичной стены ударил Иваныча в щёку, потекла кровь.

Устюгин лёжа выхватил ПМ и открыл беспорядочный огонь в сторону стрелявшего, полежал ещё немного в грязной луже и встал, отряхиваясь и фыркая, словно собака.

Вряд ли стрелял профессионал, да, впрочем, и убивать пока не хотели, возможно, решили напугать. Зря, Утюг к пугливым себя не причислял, он был осторожным, но не был трусом и, если того требовали обстоятельства, шёл под пули. «Намёк понял, – сказал он, ни к кому, собственно, не обращаясь, и добавил: – Но не учту».

«Утюг» – кличка, приклеенная к Иванычу за годы службы часто менявшимися сослуживцами, намекала на прямолинейность и что-то чугунное.

Утюг, или Иван Иванович, действительно был прямолинеен и строг, всегда старался доводить начатое дело до конца и редко слушал начальство. «Да, день не задался, хотя могло быть и хуже», – примерно с такими мыслями он пошёл к своему подъезду.

На службу пришлось опоздать, брюки и рубашка после купания в луже для выхода в свет явно не годились. Утюг вернулся домой, добавив на ходу несколько нецензурных выражений к написанным на стенах, правда, в устной форме, и зашёл в квартиру.

– Здравствуйте, Устюгин Иван Иванович.

– ...

Ещё одно нецензурное выражение совершенно случайно сорвалось с губ Утюга. И было отчего. В его любимом кресле сидела неземной красоты девушка с лицом ангела, больше похожая на шлюху, и к тому же абсолютно голая.

За пролетевшие словно шмель в тишине три секунды, прошедшие с момента падения челюсти на порог и возвращения её на исходную позицию, Иван Иванович успел рассмотреть многое. И пухлые сочные губы с голубыми, словно горные озёра, глазами, и острые снаряды груди с рыжими кучеряшками лобка...

Утюг развернулся, выскочил на лестничную клетку и позвонил в дверь соседа-ветерана. Через две минуты в квартиру зашли вместе. Ангел нецензурно выругался и стал одеваться.

– Жаль, ты не хочешь по-хорошему. Мне-то что, Лола птица подневольная, под кого скажут, под того и лягу, и ты можешь лечь, костыми.

Свою тираду шлюха с ангельским лицом произнесла на одном дыхании, не спеша, продолжая одеваться.

– Знаешь, девочка, поживи с моё, покрутись как белка в колесе, тьфу, не то я говорю, зачем всё это тебе. Иди и передай тем, кто тебя послал, что хочешь. Жаль мне тебя.

– Себя пожалей, – раздался ответ из-за хлопнувшей со злостью двери.

– Ну-ну. События принимают дурной оборот.

– Спасибо за стриптиз, думал, по старости лет такого больше не увижу, ан нет, – прошамкал пенсионер, на ходу прощаясь.

Утюг остался один со своими мыслями, одна другой хуже. Быстро переоделся, закрыл дверь, подумал: «Дубль два», – и вышел на улицу.

* * *

Прелести размеренной деревенской жизни с рыбалкой и посиделками на крыльце закончились, по крайней мере для Анатолия. Леночка по-прежнему весело щебетала, занимаясь разными женскими глупостями, но ему как мужчине уже приходилось думать о последствиях и искать пути отступления.

Ехать было некуда и бежать тоже. Анатолий перебрал всех дальних родственников, друзей, каковых не оказалось в наличии, знакомых и знакомых знакомых, но вариантов не было. Впрочем, один друг у Анатолия всё же был – диспетчер, именно он и позвонил на сотовый номер, который знал, и, убедившись в наличии нужного абонента, бросил фразу: «По следу идёт Роман».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.